

Рефлексивы в дагестанских языках и природа анафорических отношений

П.В. Руднев (Москва)

Ноябрь 2009

1. Введение

В данном докладе мы покажем, что традиционное для отечественного языкознания отождествление анафорических отношений и кореферентности ведёт к ряду неверных предсказаний, как относительно отношений “антецедент—местоимение”, так и касательно структуры простого предложения в целом.

В работах Толдова (1999) и Лютикова (2002) приводятся многочисленные примеры на материале цахурского и багвалинского языков, в которых предполагаемые нарушения принципов теории связывания не приводят к неграмматичности предложений:

- (1) a. in-š̄-u-r-da ima w=eš̄iši.
сам-OBL.M-ERG-EMPH отец.ABS M=хвалил
{ЛК: Никто отца не хвалил.} Отец сам себя похвалил’
- b. ima-š̄u-r e=w=da w=eš̄iši.
отец-OBL.M-ERG сам=ABS:M=EMPH M=хвалил
{ЛК: Отец никого не хвалил.} Отец самого себя похвалил’
(багвалинский язык, Лютикова (2002: 624))

Согласно стандартной теории связывания, предложение (1а) должно быть неграмматичным, т.к. подлежащее, маркированное эргативом, выражено рефлексивным местоимением, а его антецедент находится в менее приоритетной синтаксической (и семантической) позиции.

На основании подобных данных авторы делают два вывода: (i) структура глагольной группы в дагестанских языках является “плоской”, т.е. отсутствует асимметрия между актантами глагола; (ii) анафорические отношения в дагестанских языках регулируются прагматическими факторами, а не синтаксическими.

Опираясь на материал аварского языка, мы продемонстрируем, что подобный взгляд на грамматическую анафору объясняет лишь небольшую часть наблюдаемых фактов, а также предложим дополнительный

механизм, *семантическое связывание*, способный объяснить остальные. Кроме того, мы исследуем возможность интерпретации указательных местоимений в аварском и багвалинском языках как связанных переменных.

2. Природа анафорических отношений

В формально-семантической традиции принято выделять по крайней мере две разновидности анафорических отношений: кореферентность и семантическое/логическое связывание. В первом случае необходимо, чтобы и антецедент, и местоимение обладали собственной референцией; в том случае, если их референты совпадают, говорят о *кореферентности* (2). Во втором случае местоимение интерпретируется в математическом смысле как переменная, связанная оператором, у которого нет конкретного референта (3).

- (2) Ваня₁ видит себя₁ в зеркале. (и “Ваня”, и местоимение имеют в качестве референта Ваню)
- (3) Каждый студент любит себя. (у ИГ “каждый студент” нет конкретного референта)
 $\forall x. \text{студент}(x) \rightarrow \text{любить}(x, x)$

Существует три теста на семантическое связывание: (i) прочтения эллиптических ГГ; (ii) кванторные антецеденты для местоимений; (iii) фокусное выделение. Интересно отметить, что в случаях локальной рефлексивизации местоимения всегда интерпретируются как связанная переменная, вне зависимости от природы антецедента.

- (4) Ваня любит себя, и Маша тоже.
= Маша любит себя
≠ Маша любит Ваню

Семантическая формула, подобная (3), неспособна объяснить подобное явление, т.к. в предложении (4) нет ни одного квантора; кроме того, одним из обязательных требований эллипсиса является требование идентичности предикатов.

Принято считать, что для установления анафорических отношений у антецедента и местоимения должны совпадать согласовательные признаки (т.н. *φ*-признаки в генеративной грамматике, включающие род, число и лицо). Не менее правдоподобной была бы гипотеза о том, что соответствующие согласовательные признаки размещены на глаголе, с которым согласуется сначала местоимение, а потом и антецедент (ср. Adger 2008, Kratzer 2009). Кроме того, необходимо упомянуть, что семантическое связывание, в отличие от кореферентности, регулирует-

ся очень жёсткими структурными ограничениями (в частности, принято считать, что для установления подобных отношений антецедент должен находиться в синтаксически приоритетной позиции).

(5) Ваня λx .любить(x, x), и Маша λx .любить(x, x)

3. Семантическое связывание в дагестанских языках

Как мы уже видели, в локальных контекстах рефлексивные местоимения обычно получают интерпретацию связанной переменной. Вернёмся теперь к дагестанским языкам. Пара предложений в (1) представляет собой как раз такой синтаксический контекст, однако оба предложения грамматичны.

В аварском языке аналоги таких предложений в аналогичных контекстах также приемлемы, однако на данном этапе резонно задать вопрос, не являются ли подобные предложения случаями кореферентности. Чтобы исключить такую возможность, заменим антецедентные ИГ на кванторные:

- (6) а. *Жинцаго щибав вас веццулев вукІана.
Сам-OBL-ERG каждый сын хвалить
“Каждый сын сам себя хвалил”
б. Щибав васас живго веццулев вукІана.
Каждый сын-ERG сам хвалить
“Каждый сын хвалил самого себя.”

Возможность кореферентности в (6) исключается за счёт того, что антецедентная ИГ является кванторной, т.е. не имеет собственной референции (вспомним, что кванторные выражения служат для установления отношения между двумя множествами). Оба предложения различаются статусом антецедентной и местоименной ИГ: предложение (6b) грамматично за счёт того, что кванторная ИГ является подлежащим, а местоимение дополнением, но не наоборот.

Аналоги предложения (6a) с предикатами другой семантики, требующими подлежащего в дативе или локативе, одинаково неграмматичны:

- (7) *Жиндиего щибав вас вокьула.
Сам-OBL-DAT каждый сын любит
“Каждый сын сам себя любит”
(8) *Щибав вас жиндаго вихьана матІуялгъув.
Каждый сын сам-LOC видит в.зеркале
“Каждый сын сам себя видит в зеркале”

Функционально-прагматический подход к анафорическим отношениям и гипотеза о «плоской структуре» глагольной группы не могут объяснить контраст между (6а), (7), (8) и (1а), не вводя в действие никакого дополнительного механизма. На наш взгляд, теория семантического связывания как основного механизма локальной рефлексивизации в совокупности с гипотезой об иерархическом устройстве глагольной группы даже в языках со свободным порядком слов является по крайней мере не менее, а с точки зрения эмпирических данных даже более адекватной.

Очевидно, однако, что на кореферентность также должны налагаться некоторые ограничения, причём механизм «фокуса эмпатии» может сыграть роль как раз такого ограничения.

В кавказоведческой литературе (напр., [Алексеев & Атаев 1997](#)) также нередко можно встретить утверждения о том, что в дагестанских языках отсутствуют анафорические местоимения 3 лица и их функция (частично) выполняется различными классами указательных местоимений. Следует обратить внимание на то, что анафорические и демонстративные местоимения, несмотря на несомненное наличие общих черт, имеют ряд очень важных отличий в синтаксическом и семантическом поведении.

На наш взгляд, есть основания считать аварское указательное местоимение *гъев* «тот» анафорическим местоимением 3 лица, так как оно (i) может употребляться самостоятельно; (ii) может употребляться с синтаксически приоритетным антецедентом; (iii) может получать интерпретацию связанной переменной. Помимо этого, мы предложим синтез моделей П. Элборна, Д. Эджера и А. Кратцера для объяснения общих черт различных классов местоимений в отношении семантического связывания.

В [Adger \(2008\)](#) и [Kratzer \(2009\)](#) предлагается считать, что основой каждого местоимения является переменная типа $\langle e \rangle$, над которой в определённом иерархическом порядке расположены согласовательные признаки рода, числа и лица. Признаки рода и числа можно рассматривать как частичные функции идентичности с соответствующей пресуппозицией, в то время как признаки лица являются множествообразующими. У указательных местоимений вместо признаков лица имеются дейктические признаки ([Elbourne 2008](#)). Для того, чтобы всё местоимение имело семантический тип $\langle e \rangle$, а не $\langle e, t \rangle$, самым верхним элементом в расширенной проекции является D с признаком [def], который интерпретируется как ι -оператор, вводящий пресуппозицию существования и уникальности. Таким образом, местоимения, являясь проформой ИГ, понимаются как дефинитные дескрипции.

Переменная типа $\langle e \rangle$, которую мы вслед за Д. Эджером будем обозначать как [ID], соответствует связанным местоимениям (резумптивным, рефлексивным, взаимным); местоимения со структурой [D [Phi [ID]]]

будут интерпретироваться как референциальные. В любом случае, связывание переменной [ID] будет осуществляться “фазовой” вершиной (D, v, C), что гарантирует идентичность предикатов в случае эллипсиса глагольной группы и, соответственно, коварирующие прочтения местоимений.

Список литературы

- Adger, David. 2008. Bare resumptives. In *Proceedings of Resumptives at the Interfaces*, <http://ling.auf.net/lingBuzz/000709>.
- Elbourne, Paul. 2008. Demonstratives as individual concepts. *Linguistics and Philosophy* 31(4). 409–466. doi:10.1007/s10988-008-9043-0.
- Kratzer, Angelika. 2009. Making a Pronoun: Fake Indexicals as Windows into the Properties of Pronouns. *Linguistic Inquiry* 40(2). 187–237. doi:10.1162/ling.2009.40.2.187.
- Алексеев, Михаил Егорович & Борис Махачевич Атаев. 1997. *Аварский язык*. Москва: Издательство «Academia».
- Лютикова, Екатерина Анатольевна. 2002. *Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы*. Москва: Издательство ИМЛИ РАН.
- Толдова, Светлана Юрьевна. 1999. Местоименные средства поддержания референции. In А.Е. Кибрик & Я.Г. Тестелец (eds.), *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*, 629–674. Москва: «Наследие».